

«ЧТОБ ОТСТАВНЫЕ ОТ СЛУЖБЫ ОФИЦЕРЫ, УНТЕР-ОФИЦЕРЫ И РЯДОВЫЕ ПО ОТСТАВКЕ ИМЕЛИ ПОКОЙ И ПРОПИТАНИЕ»

Зарождение системы социальной защиты военнослужащих

При Петре I с созданием регулярной армии возникли проблемы, связанные не только с ее пополнением, но и с обустройством уволенных в отставку военнослужащих¹. В российских вооруженных силах проходили службу представители различных социальных слоев общества. Самой многочисленной частью личного состава армии и флота стали военнослужащие унтер-офицерского и рядового состава, не являвшиеся дворянами. Эти люди в свое время были забраны на военную службу по воинской повинности (рекрутские наборы) и в основном не по своей воле. Время службы для них определялось не конкретным сроком, а зависело от их физического состояния, и поэтому служить им приходилось практически всю жизнь. Чтобы те, кому предстояло идти на службу, не уклонялись от нее различными способами, а в дальнейшем и в массовом порядке не дезертировали, государству необходимо было гарантировать этим людям то, что они в конце своей жизни не будут выброшены со службы за ненадобностью, без всякой надежды на нормальное обустройство.

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ меры были приняты государством накануне окончания Северной войны, особенно в ходе проведения первой ревизии². Но при этом осталось много нерешенных вопросов, и ко времени восхождения на престол Елизаветы Петровны созрела необходимость пересмотра ее результатов. Начало новой ревизии было объявлено в именном указе³ от 16 декабря 1743 года*, к которому прилагалась «Инструкция – посланным для учения вновь ревизии»⁴. 20-й пункт инструкции содержал практически все основные направления, связанные с обустройством отставных военнослужащих и их детей согласно их социальному положению («кои не из дворянства»).

* Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

Фактически документы, систематизированные в этой части инструкции, представляли собой перечень мер по обустройству дальнейшей жизни отставных военнослужащих и их детей. Вот лишь некоторые из них: «Чтоб отставные от службы офицеры и унтер-офицеры и рядовые по долголетней и многотрудной службе в походах и ранах... по отставке от оной имели покой и пропитание», «чтоб те отставные и дети их без дела в гуляках не были»⁵.

Итак, речь шла не только о жесткой регламентации и упрощении выбора их дальнейшего жизненного пути, но и о признании государством необходимости заботы о них. Материальным выражением этого являлось главное преимущество отставных военнослужащих – указанное в инструкции подтверждение то-

го, что они, как и раньше, были освобождены от уплаты подушной подати («всех отставных переписать только для ведома»).

Кроме того, отставные являлись лично свободными людьми и могли самостоятельно выбирать как место проживания, так и способ пропитания, входя в любое из податных сословий («тех писать по их желанию»)⁶. В этом пункте инструкции перечислялись основные способы заработка («пропитания»), которые и являлись главными направлениями обустройства отставных военнослужащих. Для тех из них, которые «живут в Москве и в других городах не на пашне» (не в деревне), предполагалось: использование навыков и умений в какой-либо профессии для индивидуальной работы; труд на каком-либо производстве; другие виды деятельности или услужение кому-либо.

Те же, кто «волею пошли... в деревни», имели гораздо меньший выбор: заниматься земледелием или индивидуальной работой, не связанной с обработкой земли («жили на пашне или кормились работою своею»). В инструкции были указаны и преимущества отставных унтер-офицеров и рядовых как по отношению к другим представителям податных сословий, так и по отношению друг к другу, в зависимости от выбора направлений, касавшихся прежде всего их детей. Последних, признанных годными, должны были «всех взять в службу в солдаты, а матросских детей – в матро-

сы». В зависимости от того, в какое сословие решили записаться при проведении ревизии отставные военнослужащие, определялась судьба их детей. Те из них, кто решил записаться «в цехи», получали еще одно немаловажное преимущество – туда же записывали вместе с ними и их детей и в дальнейшем освобождали от службы в армии и на флоте. Давалось некоторое преимущество и детям тех отставных, кто возвращался после службы в деревни. Этим детям было приказано «писать с прочими крестьянами на ряду», то есть на службу они могли попасть не в обязательном порядке, а на общем основании – в случае их выбора в рекруты.

Основным в обустройстве отслуживших военнослужащих традиционно считалось определение на пропитание в монастыри, поскольку многие ввиду старости и инвалидности не могли самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Это касалось всех военнослужащих, в том числе штаб и обер-офицеров, без различия в происхождении. История вопроса уходит ко времени окончания Северной войны, когда было «по резолюции Правительствующего Сената марта 19 дня 1722 года велено... по свидетельству Военной коллегии, которые за старостью и болезнями в службе быть не могут, а пропитания своего не имеют, отсылать в монастыри»⁷. В это время уже имелась законодательная основа для реализации планов обустройства. Всеми делами, связанными с ним, ведал Синод, и касалось это хотя и всех отставных военнослужащих вне зависимости от места проживания, но прежде всего тех из них, кто подавал об этом прошение. Были также приняты указы о выделении за счет Синода денежных средств и продуктов на содержание этих военнослужащих⁸. 31 января 1731 года императрицей Анной Иоанновной был утвержден доклад Сената об изменении форм довольствия всех отставных военнослужащих, определенных для

проживания в монастыре, а также упорядочении выплаты денежного и продовольственного содержания. Вводились фиксированные, единые для всей страны нормы денежного довольствия («жалованья») в зависимости от звания отставных, базировавшиеся на основе окладов денежного содержания военнослужащих Московского гарнизона⁹.

Уже при Елизавете Петровне, летом 1742 года была усовершенствована процедура оформления в монастыри отставных военнослужащих. Поскольку все дела направлялись в Сенат и далее, в герольдмейстерскую контору, ведавшую вопросами «всего государства дворянства вышних или нижних, прежних и нынешних, военных, гражданских и придворных чинов», но не все из них являлись дворянами, то возникали соответствующие трудности в их оформлении. В связи с этим был издан сенатский указ, в котором шла речь «об отсылке унтер-офицеров и рядовых, оказавшихся по свидетельству к службе, за старостью и болезнями и на поселение негодными, в коллегию экономии для распределения по монастырям и богадельням и о предстании в Сенат дворян, служивших в тех чинах»¹⁰. Разделение процедуры оформления отставных по принципу происхождения значительно ускорило ее прохождение.

Все эти законодательные документы нашли свое отражение в реальной ситуации, сложившейся на момент начавшейся в 1744 году ревизии на этом направлении обустройства отставных военнослужащих. Но фактически требования именных царских указов от 12 октября 1722 года и особенно от 31 января 1732 года о регламентировании продовольственного и денежного довольствия для определенных в монастырь отставных военнослужащих не выполнялись. Происходило это в силу объективной причины – ограниченности соответствующих средств, имевшихся в распоряжении монастырей. Тем не

менее упомянутые указы являлись своего рода ориентиром при назначении довольствия этим людям.

В структуре Синода существовали еще и богадельни – приюты для одиноких стариков и инвалидов, куда также определялись отставные военнослужащие. В официальных документах об этом практически не упоминалось.

Тем, кто не подавал прошения для оформления в монастырь, а выбрал другой путь в жизни при решении проблем обустройства на момент увольнения, в дальнейшем практически не уделялось внимания. Для тех из них, кто, став престарелым, не смог создать семью, не имел родственников и близких людей, а из-за увечий, немощи не мог самостоятельно заботиться о себе и зарабатывать на кусок хлеба, ситуация складывалась следующим образом. Поскольку вопрос, связанный с оформлением их в богадельни не решался, то перед этими людьми открывалась безрадостная перспектива идти на паперть с протянутой рукой. Среди нищих, бродивших по дорогам России, было много бывших военных, которые, в том числе и в силу вышеуказанных причин, занимались попрошайничеством и просили милостыню. Масштабы явления были довольно значительны, поэтому не случайно этот вопрос нашел отражение в сенатском указе от 18 ноября 1742 года «О распределении коллегией экономии присылаемых из полиции нищих в богадельни»¹¹. Правительство обязало коллегию экономии препровождать туда из главной полицейской канцелярии инвалидов и престарелых отставных военнослужащих, а также их жен, занимавшихся нищенством, сразу же определять в богадельни, вменяя сбор соответствующих подтверждающих документов в обязанность коллегии. После начала ревизии, когда проверяли подаваемые ревизские сказки, выявилось большое число таких отставных, которые не могли из-за старости и болезней зарабатывать себе на пропитание.

В числе первых в мае 1744 года была подана сказка бывшим адмиралтейским мастеровым Михаилом Нижегородцевым, в которой предстала типичная ситуация: «...отставной адмиралтейский кузнец Михайла Иванов сын Нижегородцев... он нижегородского уезду дворцовой деревни Каменки крестьянский сын, из которой взят в службу и служил при адмиралтействе кузнецом тридцать лет, а в 723 году... отставлен... дан паспорт, который имеетца при нем, а детей у него и... родственников и пришлых людей никого не имеетца, а живет в городе Воронеже в пятницу приходом своим двором... имеет ремесло кузнечное и ныне желает жить в городе Воронеже в богоделне понеже за старостию работою своею пропитатца не может... Отослан для определения в богоделню в Воронежскую духовную консисторию»¹². Указанная в сказке просьба Михаила Нижегородцева сопровождалась резолюцией: «отослан для определения в богадельню в Воронежскую духовную консисторию»¹³. После узаконения в указе Сената этого варианта обустройства пожилых и больных отставных военнослужащих все подобные просьбы немедленно удовлетворялись. Право отправления в монастыри и богадельни отставных военнослужащих, выразивших это желание при рассмотрении их сказок, начало претворяться в жизнь.

Основные направления обустройства живших в городах отставных, указанные в инструкции, также базировались на прежнем законодательстве. Для упорядочения учета все ремесленное население городов сводилось в цехи. При этом отставные военнослужащие могли по своему желанию выбрать себе работу в городе¹⁴. В дальнейшем такой подход не менялся и окончательно оформился в вышеназванной инструкции: «Которые из тех отставных, имеющие какое мастерство... в цехи приняты и записаны не будут, а пойдут... в другия какия работы или во услужение:

у таких детей их всех писать в службу, солдатских в солдаты, матрозских в матросы...»¹⁵.

Таким образом, главное преимущество записанных в цехи состояло в том, что их дети на службу не забирались и могли постоянно находиться с родителями. Вот как говорится об этом в сказке, рассмотренной в воронежской канцелярии ревизии 3 декабря 1744 года: «Морского флота матроз Викула Данской... взят он в службу в 721 годе города Воронежа и пушкарских детей и в прошлом 743 годе отставлен... дан паспорт, велено... жить в городе Воронеже для пропитания, а от роду... 56 лет, и по нынешней ревизии желаю быть при Воронежском цеху, понеже я имею ремесло портное, а на Воронеже детей и пришлых мужскаго полу не имеется...»¹⁶. Выразивший это желание, согласно установленной процедуре сразу же из канцелярии ревизии отправился дальше: «Вышеписанной Данской по силе присланной из канцелярии генеральной ревизии указу для написания в цех отослан в Воронежский магистрат»¹⁷.

Для работы на промышленных предприятиях того времени не требовалось обязательное владение какой-либо профессией. Так, в мае 1744 года была рассмотрена сказка жителя Воронежа, работавшего на одной из фабрик купца Василия Пустовалова, незадолго до этого уволенного с военной службы Антоном Иванова: «Галерного флота отставной боцманмат Антон Савельев сын Иванов... служил он в галерном флоте квартирмейстером и в прошлом 1743 году от той службы за старостию и дряхлостию отставлен... и ежели указ на онного Иванова положен будет оклад и он Пустовалов за него Иванова в ряд с купецкими людьми платить будет же без всяких отговорок...»¹⁸. Обращает на себя внимание обязательство хозяина фабрики Пустовалова в последнем абзаце сказки. Оно означало, что если Иванов в ходе переписи на основании соответствующего ре-

шения («указа») канцелярии ревизии будет записан («положен») в оклад подати платежной общины (в данном случае фабрики), то Пустовалов готов был платить за него государству подушную подать. В противном случае он мог лишиться работника: «За тех людей подушные деньги платить бездоимочно... а кто тех подушных денег платить не будет и чрез один год явится в доимке**, у таких те люди будут взяты и отданы другим... из платежа подушного оклада»¹⁹.

Из этого следует, что плата для купца была гораздо меньше тех выгод, которые приносил ему такой постоянно закрепленный на фабрике в оклад подати работник. Иванова в случае такого развития событий ждало только одно — жесткое прикрепление к «тяглу» (месту работы) с фактическим лишением личной свободы. Но этого не произошло. В резолюции на сказке ревизор указал: «По одной скаске вышеписанного боцманмата Антона Иванова нечислить понеже он определен по силе присланного из канцелярии ревизии указу на фабрику содержателя Василия... Пустовалова»²⁰. Имелось в виду «не числить» Иванова в ряду тягловых работников, закрепленных на фабрике, как отставного военного, освобожденного от уплаты подушной подати, и его, согласно пункту 20 инструкции, необходимо было как «тех всех отставных переписать только для ведома». На деле это означало следующее: поскольку Иванов по своему желанию был взят на фабрику, то хозяин должен был выплачивать за его труд деньги («обеспечить ему пропитание»), и в случае необходимости Иванов мог самостоятельно уйти с работы.

Инструкция по проведению ревизии, несмотря на ее подробность и претензию на всеохватность, конечно, не могла предусмотреть всех жизненных коллизий. Многие вопросы, вставшие перед ревизорами сразу после начала переписи, не могли ре-

** То есть должником.

шиться на местах. Поэтому Сенат уже через несколько месяцев проведения ревизии вынужден был рассматривать и вопросы, связанные с обустройством отставных, осевших в городах и там зарабатывавших себе на пропитание, но желавших жить самостоятельно, никуда не определяясь. И Сенат решил в этом случае ничего не менять и не усугублять ситуацию, сохранив «status quo» и в своем указе: «Слушав онаго доношения сего 1744 года июня 25, приказали: которые отставные драгуны, солдаты, матросы имеют об отставке их паспорта и живут своими дворами и пропитание имеют работою своею, а в цехи и ни к кому во услужение записываться не желают: таковых оставлять жить на своем пропитании...»²¹.

Под определение этого указа попала и ревизская сказка, рассмотренная 5 июня 1745 года: «Адмиралтейского ведения бывший кузнец Степан Алексеев сын Шмырев... а ныне желает он быть на своем пропитании, понеже он имеет мастерство кузнецкое, а на Воронеже по силе прежней переписи мужеска полу душ детей никого не имеетца...»²². Именно к таким, которые решили иметь «свое пропитание от ремесла... а в цеху и ни у кого во услужении жить не пожелают», относился и Шмырев, поэтому соответствующим было и решение воронежской канцелярии ревизии: «Вышеписанный Степан Шмырев по силе о генеральной ревизии инструкции по ево желанию определен в городе Воронеже на свое пропитание»²³.

Инструкция предусматривала и процедуру переписи тех, кто «волею пошли в... деревни... и там жили на пашне». Но в числе прочих субъектов государства Воронежская губерния находилась на особом счету. Это отразилось прежде всего на социальном положении однодворцев, к тому времени государственных крестьян, тяглого сельского сословия. На них были возложены определенные задачи, причем основная из них – оборона

южных рубежей – еще не изжила себя. Это подтверждалось системой службы однодворцев, сложившейся в 20-х годах XVIII века на Юге. Были созданы ландмилицейские полки, и однодворцы должны были не только финансировать расходы на их содержание, но и служить в них²⁴. В 40-х годах XVIII столетия эта система защиты южных границ также продолжала существовать. В связи с этим однодворцы числились в атаманской, казачьей, стрелецкой, пушкарской и прочих службах. Кроме того, однодворцев брали на службу и в армию и на флот. Поэтому, когда выходец из этого сословия был «от той службы отставлен и отпущен в дом свой... на собственное пропитание», он уже не включался в оклад подушной подати, что еще раз и подтвердила проводившаяся ревизия²⁵.

Особенность положения однодворцев была и в том, что они жили не только в деревнях, но и в городах. Например, живя в Воронеже, они имели свою пашенную землю в окрестностях города и числились в казачьей службе. Несмотря на социальное положение отставных военнослужащих, вернувшихся в это сословие, каких-то особых указаний по их переписи в инструкции дано не было. В ревизской сказке, поданной одним из таких однодворцев и рассмотренной в июне 1744 года, читаем: «...отставной от службы блокавого дела плотник Иван Сидоров сын Нартов в службу из города Воронежа из аднадворцев... служил при адмиралтействе блокавого дела десятником лет сорок, а в 729 году отставлен в Санкт-Петербурге из адмиралтейской коллегии и дан ему паспорт... жительство иметь в городе Воронеже в доме своем... и от роду ему девяносто один год, а детей у него, братьев и родственников никого не имеетца, и живет он в городе Воронеже в покровском приходе своим двором, а пропитание имеет, пашет помесную пашенную свою землю... желает он быть в ряд однодворцев в казачьей службе...»²⁶. Нартов подтвер-

дил свое желание продолжать работать на своей поместной пашенной земле и, несмотря на столь преклонный возраст, не стал проситься ни в монастырь, ни в богадельню. Но, приходя со службы, некоторые отставники – бывшие однодворцы не возвращались в те места, откуда их забирали, тем не менее в зависимости от той или иной жизненной ситуации опять хотели причислить себя к этому сословию.

Характерно в этом смысле решение отставленного от службы в Адмиралтействе «за старостью и слабостью и ломотою» в возрасте 51 года и решившего обосноваться в Воронеже капрала Федота Бутусова. В сказке он показал: «...ныне жительство имеет в городе Воронеже в Рождественском приходе на Чижовке у вдовы Акулины Ивановой дочери, а рукомесла никакого не имеет и живет на пашенной земле и ныне желает быть в городе Воронеже в казачьей службе в ряд однодворцев на пашенной своей земле»²⁷. Канцелярия ревизии учла пожелание Бутусова: «Оной будет определен по силе присланного из канцелярии генеральной ревизии указу на свое пропитание и велено ему жить в городе Воронеже, а в том с него взята подписка...»²⁸.

Государство уделяло внимание и детям военнослужащих, как находившихся в армии, так и отставных. Конкретные меры по решению вопроса об обучении детей военнослужащих были приняты при Анне Иоанновне в указе от 6 мая 1736 года. В преамбуле указа освещение проблемы образования увязывалось с вопросами нравственности, а также применительно к детям «всякого звания служилых чинов» была представлена универсальная формула закона бытия человека – «Праздность есть всякому злу корень». Далее говорилось о необходимости получения образования с юных лет: «А о малолетних... хотя Мы, желая им всякого добра, повелели, сверх гарнизонных, в прочих городах для обучения их уч-

редить школы и определить жалование, чтоб все малолетние служилых отцов дети, имея надежное пропитание, обучались, кто к каким наукам приклонность иметь будет, дабы со временем не токмо Государству полезны быть, но и самим себе чрез те науки довольное пропитание сыскать могли, но не взирая на такую Нашу... милость, и не желая собственной своей пользы, от наук убегают, и тем сами себя губят». И, как вывод, в конце приказывалось: «Малолетних записывать в школы и обучать грамоте и прочим наукам, кто к чему охоту возымеет, также и воинской экзерциции, дабы оную знали и при определении в полки обучать их той экзерциции было не потребно...»²⁹.

Эти весьма проникновенные слова не потеряли актуальности и в наши дни. При Елизавете Петровне, как свидетельствуют материалы ревизии, такое отношение к обучению детей служилых людей и вообще к образованию не изменилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для работы над этим исследованием были использованы ревизские материалы, хранящиеся в Государственном архиве Воронежской области (ГА ВО). Несмотря на то, что большая часть документов этого архива погибла во время Великой Отечественной войны в 1942 г., значительное собрание материалов, относящихся к проводившейся в Российской Империи в 40-х гг. XVIII в. ревизии, сохранилось. А поскольку регулярно проводившиеся ревизии — «самый полный и точный из всех источников по учету численности и состава населения России XVIII в.» (см.: *Кабузан В.М.* Народонаселение в России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 5), их материалы могут использоваться не только в качестве вспомогательных, но и как вполне самостоятельные исторические источники. Содержащие сведения разнопланового характера, они имеют решающее значение и в раскрытии других важных вопросов, а именно социального положения основной массы военнослужащих — рядового и унтер-офицерского состава русской ар-

мии и флота в первой половине XVIII в.

² В России XVIII — первой половины XIX в. перепись населения, главным образом податного, началась с введения подушной подати. Было проведено 10 ревизий; первая — в 1719–1728 гг.; вторая — в 1743–1747 гг.; последняя — в 1857 г. Именные списки российского населения, составлявшиеся во время ревизий, стали называться ревизскими сказками.

³ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). СПб, 1830. Т. XI. С. 962.

⁴ Там же. С. 964.

⁵ Там же. Т. XIV. С. 715.

⁶ Понять, что эти преимущества, образовавшиеся ранее и имевшие место в начале ревизии, были весьма значительны, можно лишь в сравнении, зная, какие права имели на момент их появления остальные представители податных сословий, например государственные крестьяне (черносошные, ясачные, однодворцы). В одном из исследований читаем: «В петровский период политика самодержавия в отношении государственных крестьян имела ярко выраженную тенденцию к ограничению их прав, сужению их возможностей в реализации тех преимуществ, которыми они располагали как люди, лично свободные от крепостной неволи... В сохранении и упрочении монополии сословных занятий, пресечении попыток представителей других... сословий воспользоваться сословными привилегиями в... XVIII в. видели основу правопорядка, справедливости и процветания государства, народа...» (см.: *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 184, 185).

⁷ ПСЗ РИ. Т. XIV. С. 607.

⁸ Там же. 1830. Т. XII. С. 548.

⁹ Там же. Т. VIII. С. 375.

¹⁰ Там же. Т. XI. С. 607.

¹¹ Там же. С. 718.

¹² ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 24. Л. 92.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСЗ РИ. Т. VII. С. 12.

¹⁵ Там же. Т. XI. С. 975.

¹⁶ ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 24. Л. 165.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 94.

¹⁹ ПСЗ РИ. Т. XII. С. 361.

²⁰ ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 24. Л. 94.

²¹ ПСЗ РИ. Т. XI. С. 164, 165.

²² ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 24. Л. 185.

²³ Там же.

²⁴ *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 178, 179.

²⁵ ГА ВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10.1. Л. 160.

²⁶ Там же. Д. 24. Л. 131.

²⁷ Там же. Л. 97.

²⁸ Там же.

²⁹ ПСЗ РИ. Т. IX. С. 807.

**Капитан 1 ранга
Ю.М. ПОПОВ**

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОЕННОЕ ПРОШЛОЕ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО: УТРАЧЕННОЕ И СОХРАНЕННОЕ»

ИСПОЛНИЛОСЬ 250 лет со дня создания графом П.И. Шуваловым по указу императрицы Елизаветы Петровны Достопамятного зала — старейшего российского военного музея. Он стал единственным в России хранилищем военных памятников и трофеев, продолжив тем самым традиции Цейхгауза, созданного Петром I в 1703 году.

В честь юбилея Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург) провел всероссийскую научно-практическую конференцию «Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное».

Мероприятие проводилось по двум секциям. В первой были представлены коллекции и собрания российских военно-исторических музеев. Во второй — «Военная история России: опыт современного изучения» участники конференции выступили с докладами: «Войны и военные конфликты в истории России: новый взгляд»; «Новые источники по военной истории Российского государства»; «История военных реформ в России»; «Искусство войны: стратегия и тактика ведения войн»; «История военной техники и ее боевого применения»; «Жизнь и деятельность выдающихся полководцев и военачальников»; «Человек на войне: структура повседневности».

Культурная программа конференции включала в себя открытие документальной выставки «250 лет Достопамятного зала», участие в IV Военно-историческом фестивале «Рыцари средневековья», состоявшемся на территории Кронверка, открытие постоянно действующей экспозиции «Западно-европейское средневековое оружие XV—XVII вв.», экскурсию «Императорская Гатчина».

Участники мероприятия посетили выставку «Реставраторы Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи», ознакомившись с экспозициями, размещенными в 13 залах на площади более 17 тыс. кв. м, и фондами музея. Последние насчитывают более 850 тыс. предметов, 217 тыс. архивных дел, 110 тыс. томов военно-исторической литературы, более 90 тыс. фотонегативов и слайдов. С 1918 года музей хранит коллекции 27 полковых музеев русской императорской армии. Внешняя экспозиция насчитывает более 250 образцов военной техники — от средневековых пушек до современных самоходных орудий и ракетных комплексов.

О.С. ИГНАТОВА,
студентка Московского
гуманитарно-экономического
института;
Е.С. ДАНИЛИНА,
литературный редактор редакции
«Военно-исторического журнала»
(Москва)

* * *

В МОЖАЙСКОМ районе Московской области на Бородинском поле состоялся Всероссийский военно-исторический фестиваль «День Бородинского сражения и 167-летию со дня основания Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника. Организаторами мероприятия выступили Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральное агентство по культуре и кинематографии, а также Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник.

В ходе фестиваля состоялось открытие военно-исторического праздника «День Бородино», прошли XIV Всероссийская научная конференция «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы» и круглый стол «Актуальные проблемы изучения Бородинского сражения в Отечественной войне 1812 года». Для участников и гостей мероприятия была организована пешая экскурсия по Бородинскому полю.

Я.И. БУРЧАК,
студентка Московского
гуманитарно-экономического
института
(Москва)